

Формирование офицерского состава Московского ополчения 1855 г.

М.М. Фролова

Вступление Англии и Франции в русско-турецкую войну 1853–1856 гг. резко изменило соотношение сил сторон. Для устранения острого недостатка обученного запаса русских войск был издан Высочайший Манифест от 29 января 1855 г. о сформировании Государственного подвижного ополчения. Об ополчении 1855–1856 гг. писали мало, вероятно, потому что оно «не заслужило чести оставить по себе память на страницах истории» подобной ополчению 1812 года. Патриотический пыл в 1855 г. был значительно слабее, чем в Отечественной войне¹, мало желавших идти по своей воле офицерами в ополчение оказалось и среди дворян. Многие офицеры «были взяты из подонков общества, которые наполняют все присутственные места в виде мелких чиновников; эти люди, чувствуя, что по их качествам они в канцеляриях далеко не пойдут, массою бросились служить в ополчение в надежде сперва получить хотя денежное вспомоществование от дворянства... все это являлось оборванное, голодное, пьяное и требующее вспомоществования тем или другим способом»², — вспоминал предводитель сызранского дворянства В.Д. Давыдов. Офицеров не доставало в Вятском ополчении, в его дружины были откомандированы армейские офицеры³. «Очень дурно... почти нет ни одного порядочного офицера»⁴ была составлена Белевская дружина Тульского ополчения. Однако недовольствие Александра II обратилось лишь на Москву: 12 июля 1855 г. губернскому предводителю московского дворянства А.Д. Черткову и членам Московского Губернского комитета ополчения был объявлен Высочайший выговор о несоответственном выборе значительной части офицеров Московского ополчения. В историографии об этом выговоре, как правило, не упоминается, впрочем, как не известны многие существенные подробности выборов офицеров Московского ополчения в экстраординарном дворянском собрании Московской губернии. Впервые вводимые материалы из фондов Канцелярии Московского дворянского депутатского собрания, московского военного генерал-губернатора (Центральный исторический архив Москвы) и фонда А.Д. Черткова (Отдел письменных источников Государственного исторического музея) позволяют пролить свет на особенности формирования офицерского состава Московского ополчения 1855 года.

Экстраординарное собрание дворян Московской губернии, на котором они должны были выбрать начальника ополчения и дружинных офицеров и куда они приглашались специальными повестками, было открыто в торжественной обстановке 12 февраля гражданским губернатором И.В. Капнистом, поскольку московский военный генерал-губернатор А.А. Закревский в это время заболел. Представленные затем Чертковым правила выборов, согласованные накануне в собрании уездных предводителей и дворянских депутатов, вызвали замечания и спор, который завершился 14 февраля подписанием всеми прибывшими на выборы дворянами «определения». В нем, в частности, подчеркивалось, что дворянство Московской губернии «положило выбор начальников дружин и офицеров производить по уездно»⁵. 15 февраля оно избрало в начальники Московского ополчения двух кандидатов — генерала от артиллерии героя Отечественной войны А.П. Ермолова и генерала от кавалерии графа С.Г. Строганова. Ермолов получил больше всего избирательных шаров (200), и был Высочайше утвержден начальником Московского ополчения. Однако он недолго исполнял эту должность, и 19 мая был уволен по болезни, а вместо него был назначен граф Строганов, переведенный из начальников Нижегородского ополчения.

16 февраля приступили к выборам начальников дружин и набору дружинных офицеров. Следовало избрать 241 человека — по 19 офицеров в каждую из 12 дружин (включая и начальника дружины) и сверх того 12 дворян для хранения провианта и фуража и 1 адъютанта. Согласно «Положению» о Государственном подвижном ополчении начальниками дружин должны были быть дворяне, имевшие чин не ниже майора. Офицеры для дружин избирались дворянством из потомственных дворян, преимущественно из находившихся в отставке офицеров или «служивших прежде в строю гражданских чиновников». При недостатке таковых дозволялось избирать офицеров из гражданских чиновников, не бывших прежде на военной службе. В ополчение нельзя было определять тех дворян, которые прежде нигде не служили, таковым лицам предоставлялась возможность «поступать в полевые войска». Лица, состоявшие под судом или следствием, а также неодобрительного поведения не удостоивались избрания. Выбранным офицерам дружин во время нахождения на сборных пунктах «особое содержание» не отпускалось за исключением тех, которым «по их недостаточному состоянию таковое определение будет от дворянства». Это пособие не должно было превышать оклада годового жалования офицеров соответствующих чинов армейской пехоты. По выступлению же в поход всем офицерам ополчения назначалось содержание от казны по окладам армейской пехоты⁶.

Однако в 1855 г., когда велась героическая защита Севастополя, в дворянской среде Москвы царили иные настроения, нежели в 1812 году. «Выбор Ермолова, — писала в своем дневнике В.С. Аксакова, — один оживит значение ополчения, которое само по себе не возбуждает почти вовсе сочувствия. Все на него смотрят как на удвоенный рекрутский набор, в который включены и дворяне... Никто из порядочных людей не хотел идти в Московское ополчение. Каждый отделялся от ополчения, как мог»⁷. Еще откровеннее высказывания были у А.И. Кошелева: «Шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться; а кого освобождали лета, здоровье и особенные семейные обстоятельства, те с едва скрываемою радостью отказывались от чести и долга защитить свое отечество»⁸.

Недостаток горячего соучастия в дворянской среде ярко выразился уже в том, что на экстраординарное собрание, согласно докладной записке Черткова, приехало только 209 человек. На выборах поэтому сразу стала очевидна острая нехватка офицерских кадров, тем паче, что из прибывших, как

указывал Чертков, необходимо было «исключить военнослужащих, сенаторов, почетных опекунов, председателей палат, судей, некоторых предводителей и депутатов дворянства, которым лета их или болезненные припадки не позволяют поступить в военную службу, и всех тех, кои по причинам, изложенным в Уставе о выборах §95, также освобождены от службы. Таковых можно положить приблизительно не менее 70, исключая которых из числа участвовавших на выборах дворянства, остается только 139 для полного комплектования всех 12 дружин, заключающих 241 офицера. Следовательно, если бы и все 139 изъявили желание вступить в ополчение, то и тогда недоставало бы до полного комплекта 102 офицера»⁹.

Уже 11 февраля на собрании уездных предводителей и депутатов предвиделось подобное положение, поэтому было предложено допустить к участию в выборах и дворян, имевших «населенную в уездах собственность не менее 25 душ» и записанных в Родословную дворянскую книгу Московской губернии. Однако на экстраординарном собрании дворяне Московского, Коломенского, Дмитровского и Звенигородского уездов высказались против распространения таких прав на мелкопоместных дворян¹⁰. Впрочем, дворяне, владевшие имениями, сами не спешили в офицеры, и причины подобного настроения вполне раскрываются в замечании, сделанном в ходе обсуждения правил выборов: «Равным образом сколько для предотвращения недостатка в офицерах, столько же и еще более для соблюдения интересов дворянства весьма полезно было бы пригласить для вступления в субалтерн-офицеры всех бедных дворян, не имеющих средств к содержанию себя своим достоянием... Дворяне, владеющие имениями, могли бы остаться на месте в них и при нынешних тесных обстоятельствах заниматься лично управлением оных, не быв вынужденными покинуть их на бурмистров и приказчиков». При этом выражалась уверенность, что за пособие и вознаграждение на обмундирование у неимущих дворян приобретается и патриотическое рвение: «дружины могли быть бы снабжены офицерами, привязанными к службе, и усердием к отечеству, и собственными выгодами»¹¹.

Черткову вновь пришлось приглашать дворян и чиновников «вступить в службу в Московское ополчение» уже через прессу, к чему призывало объявление от 17 февраля в «Московских ведомостях»¹². В Московское ополчение поэтому призвали и чиновников, но «выбор их был произведен на точном основании § 26 Положения о государственном ополчении. Все эти чиновники по представленным ими указам об отставке или формулярным спискам были одобрительного поведения и все «способны и достойны». О тех из них, которые находятся на службе, были получены от начальства письменные свидетельства об их способностях и о поведении, приличном званию дворянина» — подчеркивал Чертков.

Вопреки отмеченной строгости в отношении к исправности документов записываемых в Московское ополчение дворян общее впечатление от офицеров было иным. Действительно, большая часть офицеров нуждалась в пособии: примерно 121 человек из 209 (без учета начальников дружин и исключая Бронницкий уезд, поскольку в его списке, хранящемся в делах, такая графа отсутствует). Впоследствии эта цифра возросла, поскольку оказалось, что писари против многих фамилий в списках не проставили необходимость пособия (оно назначалось из сумм Земского сбора). Из-за долговременного нахождения на сборных пунктах многие офицеры, которые прежде не просили пособия, «израсходовались», и граф Строганов обратился к Черткову с вопросом, нельзя ли выделить и им перед походом денежное вспомоществование¹³.

Сенатор К.Н. Лебедев отмечал, что для москвича ополчение «не дело патриотизма, а наем». О Московском ополчении «с порядочным презрени-

ем» выражался и Ермолов. Московские дворяне, считал Алексей Петрович, набирали офицеров «для своих башки-бузуков из толпы Иверских прикладных чиновников», называя их также «la band des voleurs» (шайка воров).

Впоследствии Черткову пришлось отстаивать честь московского дворянства, и в доказательство того, что оно не пренебрегло своим долгом, он привел список в 172 фамилии потомственных дворян, избранных в офицеры Московского ополчения, включая и начальников дружин. Этот список был разделен на три группы. В первую были включены 22 человека, которые представляли титулованное дворянство. Вторую группу из 69 человек составляли потомственные дворяне, прежде служившие на военном поприще. И, наконец, в третью группу входили лица, никогда не бывшие в строю, но служившие по гражданскому ведомству или уволенные в отставку, — 81 человек.

Особо отмеченное родство с высокопоставленными сановниками или достойными представителями дворянства, служившими по дворянским выборам, должно было показать, что в ополчение изъявили желание вступить весьма приличные люди. Наряду с титулованной знатью, среди лиц второй группы таковых было 12 человек (например, Окулов — поручик, сын камергера, действительного статского советника) и в третьей — 14 человек (например, Бередников — сын бывшего Можайского предводителя дворянства)¹⁴. Но и многие другие дворяне, чьи фамилии стояли в этом списке без особых помет, оказались опытными офицерами и приличными людьми. Например, Аксаков (который в этом списке также не отмечен) заметил, что в Серпуховской дружине вместе с ним был «некто капитан Жеглинский, отличный фронтовик, и, кажется, хороший человек»¹⁵.

По Московскому уезду желавших служить оказалось даже больше 19 человек, поэтому некоторые дворяне поступили офицерами в другие дружины. Например, князь Голицын, князь Трубецкой и граф Толстой (все в звании камергеров, действительные статские советники) были выбаллотированы в начальники дружин соответственно Дмитровского, Звенигородского и Серпуховского уездов. Причем дворяне Московского уезда были весьма разборчивы и строги в приеме офицеров: отставной гвардии ротмистр Ланской, сын члена Государственного Совета С.С. Ланского, не был допущен к баллотировке в Московском уезде, поскольку не представил «указ об отставке», хотя позже был принят в Волоколамском уезде¹⁶.

Были и такие дворяне, на которых Высочайший манифест произвел сильное впечатление. Например, С.М. Загоскин, не думавший принимать участие в войне, поскольку честно признавался, что не был храброго десятка и не имел ни малейшего желания переходить в военную службу нижним чином, не смог не отозваться на обращение манифеста¹⁷. Аксаков, также вступивший в ополчение «по требованию совести», писал князю Д.А. Оболенскому: «...никто из моих знакомых не уклонился от своей доли исторических повинностей, лежащих теперь на всей русской земле; удалось поступить только мне: остальные же, несмотря на всю свою готовность, или не могли быть выбраны по недостатку вакансий, или же встретили в своем определении особенные непредвиденные препятствия, например, неисправность документов, записка в книге дворян по другой губернии, проч. и проч.»¹⁸. В ополчение пошел бы и А.С. Хомяков, если бы его супруга была жива.

И все же примеры действительного воодушевления среди москвичей были редки, и они лишь подтверждают те перемены, произошедшие в сознании новых поколений дворян относительно своего долга. Загоскин, с радостью записавшийся в ополченские списки, полагал, что московские дворяне испытывали те же чувства, что и он. Однако его примеру никто из сослуживцев по Московскому архиву не последовал, а энтузиазм дворянина был рас-

ценен начальством — князем Оболенским — как стремление извлечь какую-нибудь пользу для будущей карьеры. Аксаков за свой порыв оправдывался перед своими же близкими: «И я не могу своему вступлению в ополчение придать серьезный характер: мне это является больше прогулкой, путешествием, новым столкновением с жизнью; впрочем, это оттого, что правительство и общество отняли у него серьезный характер»¹⁹.

Итак, к закрытию экстраординарного собрания 19 февраля дворянство Московской губернии не только избрало полное количество всех офицеров, но принуждено было даже отказать многим, желавшим поступить на службу, по причине полного укомплектования дружин, подчеркивал Чертков в докладной записке. Но в списке офицеров Московского ополчения преобладали люди, никогда не бывшие на военной службе. Одной из причин явной нехватки кадровых офицеров, указывал Чертков, явилось то обстоятельство, что в продолжение двух лет с начала войны «много отставных из военной службы (и множество молодых дворян) уже поступили в ряды наших воинов, а также в Стрелковый полк императорской фамилии».

Но успокоенность насчет полной комплектации офицерскими кадрами оказалась преждевременной. Болезни, неожиданные обстоятельства, переводы, неисправности в документах или их отсутствие повели к тому, что в списках постоянно происходили изменения. 2 марта Чертков подал списки Закревскому, который препроводил их к министру внутренних дел, и далее — в Военное министерство. В Петербурге, как отмечал Аксаков, были утверждены «решительно все офицеры» — и выбранные в ополчение дворяне и чиновники, и охотники — отставные и служащие гражданские чиновники, «ибо, — подчеркивал Чертков, ни Военное министерство, ни дворянство Московской губернии не имели решительно в виду никаких уважительных причин исключению от поступления в ополчение».

Однако в списках Московского ополчения, опубликованном в «Русском инвалиде» 1 и 7 апреля, количество офицеров составляло только 137 человек (без учета 12 начальников дружин, которые были утверждены отдельно). У некоторых дворян выявилась неполнота документов, но эта причина поддавалась устранению. Сложнее было в тех случаях, когда уездные предводители и съехавшиеся дворяне, стремясь заполнить Московское ополчение кадровыми офицерами, избирали офицеров заочно, «без собственного их согласия», что являлось нарушением. Но московское дворянство все же шло по этому пути, и во многих случаях неудачно. Например, по Бронницкому уезду оно выбрало заочно 25-летнего гвардии поручика Н.Н. Новикова, имевшего до 5 тыс. душ и два дома в Москве, холостого. Однако он отказался подать такую просьбу, и Военное министерство его не утвердило.

Кроме того, Александр II не дал согласие на утверждение прапорщика Есипова, обнаружив, что он находился под судом 2 раза. Не были внесены в списки офицеров, предложенных на Высочайшее утверждение, 52 человека из личных дворян. Военный министр князь В.А. Долгоруков потребовал сначала выяснить, были ли соблюдены при их избрании все условия, указанные в дополнении от 30 марта о том, что можно допустить выбор в офицеры ополчения чиновников не из потомственных дворян, а из дворян личных и из других сословий в том случае, если нет достаточного числа дворян потомственных, и при условии, что эти чиновники сами пожелают вступить в ополчение. В Петербурге также вскрылось, что 2 человека происходят из крестьян, а один — из солдатских детей. Все трое служили прежде в унтер-офицерских званиях, но при увольнении награждены были чином коллежского регистратора, а потому они не могут поступить в Ополчение офицерами, но «могут поступить в другой род службы только нижними чинами». По запросу Дол-

горукова Чертков отослал «Записку» о принятых 14 февраля правилах избрания в офицеры Московского ополчения, где в частности указывалось, что в офицеры допускаются и «дворяне личные, преимущественно те, которые сами могут содержать себя на службе»²⁰.

Проблему привлечения бывших военных в офицеры Московского ополчения пытались решать и через дополнительное материальное стимулирование. В архиве Черткова сохранилось письмо Г.В. Панина от 25 марта 1855 г., в котором он, выражая понимание того, что «некоторых дворян, служивших в рядах нашей армии, удерживает от поступления вновь на службу, может быть, недостаточное их состояние или забота об оставленном семействе», просил Черткова довести до сведения таких отставных офицеров, что «на содержание 6 отставных офицеров... произведено будет в продолжение года сверх получаемого ими на службе содержания по 400 руб. сер., уплачиваемые через посредство Черткова по равным частям чрез каждые 3 месяца сим офицерам или их семействам». Панин при этом не хотел оглашать своего имени, желая, чтобы его «приношение слилось с общим пожертвованиями московского дворянства»²¹. Первые 600 руб. «для производства первоначальной уплаты» были препровождены к Черткову уже 15 апреля.

После закрытия экстраординарного собрания в течение апреля и мая к Черткову и Капнисту поступило 46 прошений вместе с необходимыми документами, которые затем были переданы в распоряжение Московского губернского комитета об ополчении. Этот комитет был учрежден немедленно по получении «Положения» о Государственном подвижном ополчении. Его состав был идентичен составу Губернского комитета о земских повинностях, очень громоздким. По просьбе гражданского губернатора, председателя Губернского комитета об ополчении, Закревский для усиления его действительности согласился учредить «сказанный комитет» не в полном составе, но в случае надобности он приказал «приглашать не только командира гарнизонного батальона, но и прочих лиц, присутствие коих окажется нужным по делам комитета»²².

Губернский комитет об ополчении должен был составить финансовые документы по Московскому ополчению (ведомости о количестве вещей для ополчения, «о числе обоза и подъемных под оный лошадей», о «количестве фуража на продовольствие» лошадей, «исчисления о сумме за вещи обмундирования ратников») и затем предложить их к рассмотрению и утверждению экстраординарным собранием дворянства Московской губернии. Сразу же после закрытия собрания Закревский не только стал постоянно требовать от Капниста отчеты о работе Комитета, но и сам входил во все его заботы, лично обращаясь к купцам с предложениями о поставке сукна для обмундирования ратников, подкладочного холста, сапог и прочего²³.

Однако и личный контроль московского военного генерал-губернатора не смог избавить деятельность Губернского комитета от нечистоплотности и злоупотреблений поставщиков и чиновников. «Вещи, поставленные Московским губернским комитетом, — отвратительные: воровство самое наглое, украдено денег, конечно, больше, чем наполовину», — заявлял Аксаков в письме от 21 мая. 29 мая его обвинения дополнились существенными деталями. «Теперь заварилась странная каша, очень замедляющая и затрудняющая наши действия по приемке вещей. Дружинные начальники все подняли громкий вой по причине скверного качества вещей, доставляемых...» Капнистом. За дружинных начальников вступился граф Строганов, новый начальник Московского ополчения, «пошли неприятности, ссоры, обе стороны раздражились и, как водится в подобных случаях, обе дошли до несправедливостей... Чувствуется, что дело идет уж не только о годности вещей»²⁴.

Непростая ситуация со снабжением дружин осложнялась нехваткой офицерских кадров. Набор ратников прошел в апреле, и к 1 мая все дружины были полностью укомплектованы, но не офицерами. В Серпуховской дружине, например, в середине апреля налицо было всего два офицера — И.С. Аксаков и капитан Ф.А. Жеглинский. Аксаков видел основную причину того, что остальные офицеры не являлись, в том, что они не имели средств «обмундироваться и подняться с места, а московское дворянство не дало никаких пособий»²⁵.

Скромная щедрость московского дворянства объяснима в связи с общим процессом неуклонного оскудения всего сословия. Кроме того, с начала войны на военные расходы оно жертвовало достаточно приличные суммы, а самая жизнь в Москве за время войны сильно подорожала²⁶. Уже в 1854 г. сенатор Лебедев нашел в Москве «много неудовольствий с патриотическими пожертвованиями: дамы ездят по домам, купцов берут за бороды, подчиненным приказывают жертвовать»²⁷. Аксаков 2 апреля 1855 г. ему вторит: «Закревский свирепствует по-прежнему», силой «выбивая» добровольные пожертвования для ополчения²⁸.

По документам можно проследить динамику пожертвований на ополчение: с 20 по 25 февраля 1855 г. 33 дворянами было пожертвовано 15 351 руб. серебром, причем 10 тыс. руб. внес светлейший князь Н.С. Меншиков (2 человек сдали по 1000 руб., 5 человек — по 500 руб.). С 25 февраля по 23 марта 13 человек сдали 1095 руб. (Ю.Ф. Самарин — 300 руб., А.Д. Засецкий — 500 руб.). С 23 марта по 11 мая 7 человек — 4146 руб. (граф Д.Н. Шереметев — 3000 руб., А.П. Ермолов — 500 руб.). С 11 мая по 28 июня 8 человек — 1065 руб. Эти деньги по мере поступления отсылались в Московское уездное казначейство, но еще в августе к ним не притрагивались в ожидании особых правил на их употребление²⁹. Кроме того, дворяне Московского уезда по подписке собрали 845 руб. серебром, полностью экипировали своих 7 офицеров (по 88 руб. на каждого) и сверх того выдали еще по 52 руб. 71 коп. Дворяне Рузского уезда собрали 600 руб. на пособие, но эти деньги были посланы в Рузскую дружину только в августе уже в Киев и то по их настоятельной просьбе³⁰.

В отличие от Ермолова и заменившего его на время болезни князя В.С. Голицына граф С.Г. Строганов взялся за дело «очень шибко и круто». 9 июня он обратился в Губернский комитет об ополчении с просьбой представить списки дворян, присутствовавших на московских выборах и неслужащих, в том числе, «чиновников и т.п., наймитов». Аксаков добавлял: «говорят», что граф Строганов «хочет об них представить государю. Все ополчения готовы, кроме московского: везде народ честный и порядочный, кроме московского». По требованию Строганова Губернский комитет через объявление в «Московских ведомостях» пригласил к нему 15 июня всех дворян, избранных в офицеры ополчения, но еще не утвержденных Высочайшим приказом. Таковых было 57 человек, и среди них, в частности, Новиков³¹. Однако в новом списке 59 офицеров ополчения, Высочайше утвержденных 12 июня, Новикова по-прежнему не было, поскольку он поступил на службу попечителем Боровской градской больницы «и предпочесть другого рода службы не может»³².

Кроме того, 12 июня Губернский комитет препроводил Строганову 46 просьб, поданных дворянами после экстраординарного собрания дворянства, о желании вступить в ополчение. «В числе этих 46 лиц были и такие, которые служили с честью в военной службе», — подчеркивал Чертков. «Но г-н начальник ополчения возвратил их просьбы» 25 июня, сообщив, «что он этих офицеров находит «недостойными поступить на службу в ряды Московского

ополчения» за исключением пяти»³³. И вновь граф Строганов указал Черткову на недостаток офицеров в дружинах.

Положение с дружинными офицерами не переменялось заметно в лучшую сторону и после призыва на службу вновь утвержденных 12 июня Высочайшим указом офицеров. Приказ явиться в свои дружины не позднее 29 июня был опубликован 25 июня в «Московских ведомостях»³⁴. Обратимся к письмам Аксакова. 21 мая он отмечал по Серпуховской дружине «недостаток офицеров, из которых 9 еще не явились и не утверждены». А 5 июля, накануне выступления Серпуховской дружины (18 июля), Аксаков писал Кошелеву: «Трех вновь назначенных офицеров Строганов убедил подать в отставку. «Что это за офицеры! Решительно и буквально верно — от Иверской. Просто грех было назначать таких людей и поручать им крестьян!». Граф Строганов так и косит: 7 человек из одной нашей дружины выгнал вон; откуда наберет он новых — не знаю»³⁵. Любопытно, что С.М. Загоскин совсем не вспоминал о подобной проблеме с офицерами в Подольской дружине, которая с наступлением лета попала под покровительство московского генерал-губернатора, проживавшего близ Подольска в имении Ивановском.

Начальник Московского ополчения приказал подать в отставку около 30 офицерам, избранным и утвержденным Высочайшим приказом. Все почти эти офицеры не имели никакого состояния и «лишились для поступления в ополчение тех мест, которые они до того занимали в гражданской службе, а вместе с тем и жалованья». Многие из них были обременены семействами и «теперь решительно претерпевают крайнюю нужду, так что не имеют насущного хлеба», — указывал Чертков, у которого эти горе-офицеры стали искать защиты и денежной помощи³⁶.

Уже при вступлении в должность начальника Московского ополчения С.Г. Строганов, обнаружив Московское ополчение «весьма в худом состоянии по всем частям», отправился в Петербург, но не был принят государем. Строганов винил в некомплекте офицеров прежде всего Черткова. Похоже, что особая острота столкновений между ними возникла еще из-за личной неприязни графа, которая, вероятно, появилась после 1848 г., когда ему пришлось оставить председательство в Обществе истории и древностей российских (в 1847 г. он был снят с должности попечителя Московского учебного округа), а на его место был единодушно избран Чертков. Растущее напряжение вылилось в конце июня в «сильную схватку» между ними в Дворянском собрании. Конфликтная ситуация в Москве вокруг офицерских кадров для ополчения не могла остаться без внимания в Петербурге. 12 июля 1855 г. Александром II был сделан выговор губернскому предводителю московского дворянства А.Д. Черткову и всем членам Комитета за несоответственный выбор офицеров ополчения. «Что-то скажет Москва? По полученному письму это произвело там общий говор. Мне кажется, Чертков не виноват, и едва ли выговор не направлен против графа Закревского. Покойный государь сердился за выбор Ермолова, в чем Закревский вовсе не виноват; а виновата, если виновата, многочисленная толпа московских либералов»³⁷, — размышлял сенатор Лебедев.

В августе 1855 г. Чертков подготовил докладную записку, в которой подробно разъяснялись обстоятельства дела, и в которой он пытался защитить честь московского дворянства и отстоять свое имя. При этом Чертков указывал на свои действия во время экстраординарного собрания: во время уездных выборов губернский предводитель дворянства не имел «права возражать и вообще делать какие-либо замечания» относительно «представлений дворян и их избрания на службу». Его «долг состоял в наблюдении только за порядком и благочинием происходившего в Дворянской зале». Согласно за-

кону, получив от уездных предводителей списки об избранных, он должен был только препроводить «их к начальнику губернии без малейшего с его предводителя, стороны замечания или опровержения на счет избрания лиц. Все это было в точности исполнено в предписанный 8-дневный срок».

20 августа Закревский передал записку Черткова генерал-адъютанту графу А.Ф. Орлову для доклада Александру II, сопроводив ее своим отношением: «Государь император, усмотрев из донесения о составе Московского ополчения, что выбор значительной части офицеров оно сделан несоответственным, Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству 12 июля сего года, соизволил объявить за сие выговор московскому губернскому предводителю дворянства тайному советнику Черткову 2-му и всем членам Комитета об ополчении Московской губернии. Принимая во внимание, что выбор офицеров Московского ополчения был произведен дворянством по уезду, без участия в том губернского предводителя, и что предмет сей на основании Высочайше утвержденного «Положения» о Государственном ополчении до обязанности Комитета Губернского об ополчении вовсе не относится, я имею честь препроводить Вашему Сиятельству поданную мне тайным советником Чертковым оправдательную записку, покорнейше прося Вас повергнуть оную на всемилостивое воззрение Государя Императора...»³⁸. Но эти вопросы не входили в компетенцию Орлова, шефа III-го отделения, он передал бумаги военному министру.

Александр II «изволил отозваться: что тайному советнику Черткову не должно было ограничиваться одним наблюдением за порядком и благочинием в зале Дворянского собрания, но, будучи избранным дворянством в губернские предводители, чтобы служить доказательством общего их к нему доверия, ему следовало внушить дворянству всю важность обстоятельств, по коим призывалось государственное подвижное ополчение, и все дурные последствия, которые могли произойти от несоответствия выбора офицеров, руководить и наблюдать за уездными предводителями дворянства, чтобы выбор и назначение офицеров были сделаны согласно цели и служебного порядка»³⁹.

Что на это можно было возразить? Реакция государя вполне закономерна. Падение Севастополя Александр II в тот момент расценивал только началом новой военной кампании, которая потребует мобилизации всех усилий государства и общества. Однако с трудом верится в то, что ситуация с подбором офицеров Московского ополчения сильно изменилась, если бы губернский предводитель дворянства энергичнее агитировал на выборах. Сумел бы он переломить общий настрой москвичей? Сенатор Лебедев засвидетельствовал, что осенью 1855 г. государь был вообще недоволен Комитетом Московского ополчения. «Уже прежде сделал предводителю дворянства выговор, а теперь губернатора Капниста переместил в сенаторы (с огромного оклада на меньший) и вообще дал почувствовать дворянству свое неудовольствие»⁴⁰.

Что же касается самого А.Д. Черткова, то он действительно не лукавил в выполнении долга дворянина: в течение этой войны ни деньгами не покусился, ни усердием. В ноябре 1853 г. московское дворянство обязалось поставить для войск 6-го пехотного корпуса 540 подъемных лошадей со всей необходимой упряжью. Чтобы не дожидаться окончания сбора пожертвованных, оно заняло у своего губернского предводителя 18 тыс. руб. ценными бумагами и немедленно заключило договоры с подрядчиками⁴¹. В обязанности Черткова входило принять воинов, проезжавших через Москву, и обеспечить «угощение чинов как в самой столице, так и при дальнейшем следовании до границы губернии»⁴². Патриотическое рвение Черткова было заслужено оценено: 14 октября 1854 г. он был пожалован кавалером ордена Св. Владимира 2-й степени⁴³. Затем ему было изъявлено Высочайшее благо-

воление за то, что он поставил в отличном состоянии подводу из своего имения для 2-го перевозочного парка. И для Московского ополчения Чертков первым пожертвовал тысячу рублей⁴⁴. Его сын Г.А. Чертков, имея слабое здоровье, избрал гражданскую службу, а, быв депутатом по Дмитровскому уезду, на законных основаниях освобождался от обязанности стать офицером ополчения. Однако его отец, губернский предводитель московского дворянства, желая подать пример дворянству, «благословил его на службу государю императору» в Московском ополчении. Цена действительные заслуги А.Д. Черткова, несмотря на Высочайший выговор, московское дворянство на очередных дворянских выборах (4—21 января 1856 г.) на новое 3-летие опять избрало Черткова в кандидаты губернского предводителя и почетного попечителя московских губернских гимназий, выразив ему таким образом доверие. Но Александр II не разделял мнение дворянской корпорации Москвы и утвердил губерnskим предводителем московского дворянства второго кандидата — гвардии полковника П.П. Воейкова, а Черткову оставил звание почетного попечителя московских губернских гимназий⁴⁵.

Но вернемся в июль 1855 года. Высочайшим указом начальнику Московского ополчения было разрешено «входить с представлениями об увольнении и определении офицеров Московского ополчения прямо от себя в Военное министерство», поэтому дворяне, желавшие поступить в Московское ополчение, стали обращаться с прошениями прямо к графу Строганову. Но ни эта мера, ни объявленный выговор в одночасье не разрешили проблем с нехваткой офицеров для Московского ополчения. 18 июля дружины выступили в поход к Киеву при наличии свободных вакансий до 25 офицеров, в том числе двух начальников дружин и шести ротных командиров.

Нехватка офицеров поддерживалась также убылью служивших в ополчении офицеров в связи с болезнями, смертью, судом и переводами в другие войска. Например, барон Л.Л. Боде, начальник Подольской дружины, в мае заболел тифом и умер, в его должность вступил граф Ростопчин, не обладавший достоинствами прежнего⁴⁶. Строганов вынужден был вновь обратиться к Черткову, который поручил всем уездным предводителям опять пригласить дворян уездов, служивших прежде в военной службе, в Московское ополчение. Но таковых не нашлось. Тогда, 25 июля, Строганов посетил Закревского с тем, чтобы московский военный генерал-губернатор вмешался и лично спрашивал с губернского предводителя дворянства. Чертков трижды предписывал уездным предводителям «убедительнейше пригласить неслужащих дворян» в Московское ополчение. Он сам много раз пытался «употребить всевозможное старание к личному убеждению в том» тех немногих дворян, оказавшихся в летнее время в Москве, ибо «все неслужащие дворяне имеют летом постоянное пребывание в своих поместьях не только в Московской, но и в других отдаленных губерниях»⁴⁷, — писал Чертков 5 августа.

Удивительное дело, но такие настойчивые обращения уездных предводителей к дворянам своих уездов трактовались самими дворянами весьма негативно. Еще 23 мая Аксаков, например, сообщил, что «предводителю велено писать письма ко всем уездным неслужащим дворянам с приглашением вступить на службу, в случае же отказа самому выбрать из них наиболее пригодных, вытребовать от них документы и поставить их к утверждению в офицеры без их согласия! Каково! Вот вам до чего умело довести правительство! А было бы легко даже и теперь возбудить энтузиазм живою, искреннею, честною речью, прямым указанием цели и смысла войны»⁴⁸.

Но все «старания и просьбы к московским дворянам о пополнении некомплекта офицеров в ополчении, а также и сами письменные приглашения всех уездных предводителей губернии до сих пор остались, к сожалению на-

шему, без последствий, ибо все дворяне и отставные офицеры, зная положение, что уже до 70 лиц не были удостоены чести быть принятыми, ополчаются подобной же участи», — сообщал Чертков в середине августа. Сентябрь, октябрь и ноябрь не принесли положительных изменений в ситуации с офицерами ополчения, и Чертков периодически докладывал Закревскому о том, что в том или ином уезде Московской губернии никто из дворян не изъявил желание вступить в ополчение, у всех находились весомые причины. А если и были охотники, то их прошения уже не раз отклонялись Строгановым.

Московское ополчение дошло до Одессы, где император произвел смелое впечатление на публику, потому что Смоленские дружины составлены из людей большей частью малорослых; к тому же они были хуже одеты, обучены и содержаны»⁴⁹. Это свидетельство Аксакова, как и его дорожные письма, а также воспоминания Загоскина вносят существенные коррективы в утверждение о том, что Московское ополчение было плохо одето, обуто и плохо питалось, но это тема для другой работы. Московское ополчение зимовало в Бендерах, после подписания Парижского мира и указа Александра II от 15 апреля 1856 г. оно вернулось домой, отслужив благодарственный молебен, «но без торжества вступления».

История Московского ополчения, в частности процесс комплектования его офицерскими кадрами воочию показывает, что в несоответственном выборе офицеров и их постоянной нехватке в Московском ополчении виноваты не только правительство, губернский предводитель дворянства или члены Московского губернского комитета об ополчении. Причины следует искать и в тех изменениях, которые произошли в самом дворянском сословии, в его сознании и в его экономическом положении.

Примечания

1. РЕШЕТОВ Н. Дела давно минувших дней. — Русский архив (РА). 1885. Кн. 2, с. 435—436.
2. ДАВЫДОВ В. Самарин — ополченец. — РА. 1877. Кн. 2. № 5, с. 44, 46.
3. Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии. Владимир. 1900, с. 117.
4. Аксаков И.С. в его письмах. М. 1892. Т. 3, с. 112.
5. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), ф. 4, оп. 1, д. 4477, л. 8.
6. ПСЗ-2. Т. XXX. Отд. 1. № 28994. § 30, с. 89.
7. АКСАКОВА В.С. Дневник. СПб. 1913, с. 58—59, 102.
8. КОШЕЛЕВ А.И. Записки. М. 1991, с. 94.
9. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 445, д. 295, л. 165об.—166.
10. ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 4478, л. 13, 48.
11. Там же, л. 71—72.
12. Московские ведомости. 1855, № 21, с. 72.
13. ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 4479, л. 193.
14. Там же, ф. 16, оп. 19, д. 263, л. 73—79.
15. Аксаков И.С. в его письмах, с. 119.
16. Там же, с. 88—89.
17. ЗАГОСКИН С.М. Воспоминания. — Исторический вестник. 1900, № 4, с. 70.
18. Аксаков И.С. в его письмах, с. 106.
19. Там же, с. 112.
20. ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 4479, л. 85, 76, 128.
21. ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 299, л. 14, 18.
22. ЦИАМ, ф. 16, оп. 19, д. 263, л. 11—16.
23. Там же, л. 54—57, 59.
24. Аксаков И.С. в его письмах, с. 123, 127.
25. Там же, с. 111.
26. ДРУЖИНИН Н.М. Москва в годы Крымской войны. История Москвы. В 6 т. М. 1954. Т. 3, с. 748.

27. ЛЕБЕДЕВ К.Н. Из записок сенатора. — РА. 1888, № 6, с. 240.
28. Аксаков И.С. в его письмах, с. 108.
29. ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 3475, л. 7, 9, 40—41.
30. Там же, д. 4479, л. 104, 200.
31. Московские ведомости. 1855, 14 июня, № 71, с. 596.
32. ЦИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 4479, л. 158.
33. ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 299, л. 51.
34. Московские ведомости. 1855, № 76, с. 646.
35. Аксаков И.С. в его письмах, с. 131.
36. ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 299, л. 60—61.
37. ЛЕБЕДЕВ К.Н. Ук. соч., с. 463.
38. ЦИАМ, ф. 16, оп. 19, д. 263, л. 112.
39. ГИМ, ф. 445, д. 295, л. 201.
40. ЛЕБЕДЕВ К.Н. Из записок сенатора. — РА. 1889. Кн. 1, с. 141.
41. ОПИ ГИМ, ф. 445, д. 297, л. 113, 132.
42. Там же, л. 148.
43. Там же, д. 292, л. 38.
44. Там же, л. 43—44; д. 299, л. 78.
45. ЦИАМ, ф. 371, оп. 2, д. 260, л. 26об.
46. ЗАГОСКИН С.М. Ук. соч., с. 407, 409.
47. ЦИАМ, ф. 16, оп. 19, д. 263, л. 102—106.
48. Аксаков И.С. в его письмах, с. 125.
49. Там же, с. 189.